

УДК 94 (460.05)

**«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ», ОБРАЗ ДРУЗЕЙ И ВРАГОВ В ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII В.
(к вопросу о формировании национального самосознания в испанском обществе в раннее новое время)**
А. П. Батурич

**«FRIEND» AND «FOE», THE IMAGE OF FRIENDS AND ENEMIES
IN THE SPANISH LITERATURE OF THE 17TH CENTURY
(on the national identity formation in the Spanish society in the early modern period)**
A. P. Baturin

В статье делается попытка анализа литературных памятников испанского барокко с целью проследить отражение в них характера и особенностей национального самосознания испанцев на переломе двух эпох. Основными вопросами являются оценки авторами состояния современной им Испании, ее роли и места в регионе, и национальных особенностей испанцев.

The article attempts to analyze literary works of Spanish Baroque to trace in them the reflection of the nature and characteristics of the Spanish national identity at the turn of the two eras. The major feature of the article is the author's characterization of the state of contemporary Spain, its role and place in the region, and national peculiarities of the Spanish.

Ключевые слова: культура испанского барокко, испанская гуманистическая литература, испанская нация в XVI – XVII вв.; «свой» и «чужой».

Keywords: culture of the Spanish Baroque, Spanish humanist literature, the Spanish nation in the 16th-17th centuries; «own» and «alien».

Процесс образования наций и формирования национального самосознания в Европе был во многом связан с формированием централизованных государств в регионе. При этом темпы и характер этого процесса в разных странах были различными и зависели от ряда факторов, среди которых решающее значение имели степень и характер контактов данной нации (народа) с соседями. В условиях таких контактов у того или иного народа появляется стремление определить свое место среди окружающих народов (чаще позитивное), сравнить себя с другими, нередко противопоставить. Следует также отметить, что тот или иной народ (нация) более обостренно и глубоко начинает чувствовать свое отличие от окружающих в нестандартных условиях кризиса и войны: экономической, социальной, политической нестабильности. Сказанное в полной мере можно отнести к Испании в первые столетия раннего Нового времени.

В настоящей статье делается попытка посмотреть, какой видели свою страну и какими чертами и качествами наделяли себя сами испанцы на переломе эпох, в чем видели отличие испанца от других народов. Предварительно следует заметить, что, исходя из факта многообразия дефиниций, определений и характеристик понятий «нация», «национальное самосознание», «национализм», используемых в социологии, этнологии, психологии, политологии, социальной антропологии (прим. автора: см., например: *Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности.* – М.: ПЕР СЭ, 2008; *Оль П. А., Ромашов Р. А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъективности).* – СПб., 2002; *Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии.* – М., 2003; *Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада.* – М.: СПб., 2001; *Шюно П. Цивилизация Просвещения.* – Екатеринбург, 2008) и приме-

няя междисциплинарный подход в исторической науке, понятие и структуру нации будем рассматривать как триединое начало:

1 – национальный менталитет (склад ума, «стиль мышления», в целом внутренний мир человека, состоящий из представлений и чувств о мире окружающем и о себе);

2 – национальный характер (особенности поведения, национальные чувства и стереотипы);

3 – национальное сознание, т. е. осмысленный прагматический уровень, включающий в себя традиции, обычаи, интересы и т. д.

Особенности исторического развития Испании в XVI – XVII вв. (место и роль в Великих географических открытиях; специфика испанского абсолютизма; особенности и роль испанской католической церкви в условиях европейской Реформации; колониальная политика и перманентная борьба с соседними странами и т. д.) способствовали относительно быстрому по сравнению с другими европейскими странами формированию национальной идентичности в испанском обществе. Уже в конце XV – начале XVI в. испанцы начинают позиционировать себя как представители самой могущественной мировой державы. И это мнение о себе как о лидирующей нации будет сохраняться даже в XVII столетии, когда Испания, застывшая в своем имперском, никак не обоснованном экономически и политически величии, начнет отставать от других европейских стран. Уже в начале XVII в. наблюдается политическая и социально-экономическая деградация испанского общества, утрата политического престижа, ориентация на изоляцию страны от влияния извне, усиление роли церкви и иезуитского контроля над идеологической и культурной жизнью испанцев. Это былое величие, сохранившееся в исторической памяти испанца переходной эпохи и не подкрепленное реалиями XVII в., внесет сумятицу в националь-

ное самосознание общества, посеет разочарование, тоску по минувшему «золотому веку», пессимизм во взглядах на будущее.

Все это, как в зеркале, находит яркое отражение в литературе испанского барокко. В основе сочинений переходной эпохи не столько история, сколько поучительные размышления и наставления, сатирические зарисовки окружающего мира. Практически во всех сочинениях эпохи преобладает мотив трагического разочарования, смятения, интонаций мрачно-пессимистического ощущения мира и человека, тяготение к ушедшим идеалам. Мы везде находим противопоставление скверного настоящего и великого прошлого, поиск ответа на вопрос: почему так обмельчали люди и вся некогда великая держава? Особенно отчетливо и ярко это нашло отражение в сочинениях писателя-гуманиста, иезуита Бальтасара Грасиана (1601 – 1658). Грасиан – патриот своей страны, он глубоко чувствует упадок некогда великой державы, пытается определить причины свалившихся на страну несчастий и бед. Так, на страницах своего главного сочинения «Критикон» автор утверждает, что «прошлое было не в пример лучше», восклицая при этом: «О, когда же возвратятся те прежние гиганты, сыны славы!» [1, с. 457 – 458]. Эти «гиганты» и «сыны славы» жили и творили великие дела, по мнению писателя, в судьбоносные для Испании и всей Европы XV и XVI столетия. Сетую на то, что современный мир и современное общество несовершенны, Грасиан во всем винит самих людей: «Бог сотворил мир полный порядка и совершенства, – замечает он, – а человек все смешал», «люди сами все испортили, все вверх дном перевернули, вот и получился ералаш, от коего поныне страдаем» [1, с. 388]. Убежденный патриот, умный и внимательный наблюдатель, Грасиан не мог не видеть этих перемен и не переживать за свою страну. Он пишет, что «Фортуна отвернулась от Испании, которую ранее одарила всякими благами, обеими Индиями и многими другими странами и победами» [1, с. 162]. Как писатель-моралист основные причины случившегося он видел в людях, прежде всего, в перерождении элиты общества. Он считает, что в условиях общего благоденствия (в осн. в XVI в., когда в Испанию хлынули потоки драгоценных металлов и различных богатств из Америки и других открытых и завоеванных ею территорий) многие устремились к личному обогащению, к роскоши, предав забвению интересы государства. «Где больше роскоши, там сильнее власть порока», – замечает автор «Критикона» [1, с. 101].

И все же и у Грасиана, и у других писателей первой половины XVII в. Испания – величайшая держава мира, сравнимая, по мнению писателя, с такими великими империями прошлого, как Римская эпохи Константина Великого и Франкская империя Карла Великого. В испанском абсолютизме, пусть и на закате своего могущества и славы, он видел наиболее совершенную форму правления. Это особенно отчетливо проявилось в трактате «Политик» (полное название «Фердинанду Католику Политику»), посвященном завершителю объединения Испании Фердинанду II Католику (1452/53 – 1516). Здесь автор утверждает, что королевская чета Фердинанд и Изабелла, а также Фи-

липп II (1556 – 1598) создали для Испании «золотой век и обеспечили самое счастливое царствование» [2, р. XIII]. Именно этих монархов автор славит и награждает самыми лестными эпитетами. Перечисляя достоинства и достижения своего кумира Фердинанда Католика, он пишет, что тот «основал самую большую до сегодняшнего дня монархию, что касается религии, образа правления и богатства» [2, р. XIII]. По мнению автора трактата, Фердинанд являлся воплощением лучших черт как человек и лучших качеств как правитель. «Ставлю одного короля над всеми прошлыми, предлагаю одного короля всем грядущим», «это великий учитель искусства правления, самый большой оракул государственного разума» [2, р. III]. Грасиан приписывает Фердинанду заслуги в создании мировой державы посредством активной внешней политики: «Он стремился к тому, чтобы украсить свое чело восточными камнями, также, как и западными жемчугами. И если не достиг этого в свои дни, он указал путь своим преемникам». Автор «Политика» называет Фердинанда «универсальным правителем», т. к. он «ревнитель и защитник католической веры, благоразумный, отважный, великодушный политик, благородный, мудрый, любимый и справедливый человек, универсальный герой» [2, р. XV]. Трактат исходит из само собой разумеющейся всемирно исторической роли Испании, католической («вселенской») державы, из божественной ее миссии, налагающей на королей австрийского дома, наследников Римской империи, спасительный для всего человечества, поистине единственный в своем роде героический долг.

О богатстве Испании и о величии ее правителей пишут и другие современники Грасиана. Так, читаем в романе «Жизнь Маркоса де Обрегон» (1618) Висенте Эспинеля: «Такой богатой монархии, как испанская, не сыщешь, тех крошек, какие выбрасываются со стола государя, с излишком хватит не только, чтобы возвеличить фамилии, уже существующие и высокие, но и на то, чтобы поднять их из самой глубокой нищеты» [4, с. 484].

Следует заметить, что на страницах рассматриваемых сочинений, где речь заходит об испанских королях, мы нигде не встретим ни критического отношения к кому-либо из них, ни, тем более, осуждения или порицания. Испанская монархия и испанские короли – гордость и объект поклонения практически всех писателей рассматриваемого периода. В романе Луиса Велеса де Гевара «Хромой Бес» (1641) рисуется обобщенный образ испанского монарха, явно выделяющегося среди других королей Европы: «Король Испании – это борзой благородных кровей, который гордо шествует по улице, и пусть все шавки, сколько там их ни есть, выскочат полаять на него, он и ухом не поведет..., но если хоть одна посмеет хотя бы приложиться к его хвосту, он бьет лапой направо и налево, и все шавки, обезумев от страха, пускаются наутек. То же происходит со всеми врагами Испании – королями, наместниками, вельможами, – все они шавки супротив его величества, и горе тому, кто посмеет цапнуть его за хвост!» [8, с. 666 – 667], – заключает автор. В романе Эспинеля «Жизнь Маркоса де Обре-

гон» король Филипп II называется «величайшим в мире монархом» [4, с. 477]. Один из героев романа утверждает, что «Испания всегда питала к своим королям любовь и повиновение». В драме Лопе де Вега «Звезда Севильи» читаем:

Слова для смертного простого
Важны. Монарху нет границ,
В его устах одно желанье
Уже закон: без колебанья

Пред ним все упадет ниц [6, с. 201].

Олицетворением лучших качеств испанца, по мнению всех писателей эпохи, являются дворяне. Испанский дворянин – соль земли, образец для подражания. Так, один из героев «Саламейского алькальда» Педро Кальдерона Дон Мендо гордо заявляет, что он благодарен своему отцу только за то, что тот родил его идалго. «Да я себя бы не позволил во чреве матери зачать не дворянину, об заклад хоть он побейся» [9, с. 590] – заявляет он. В романе Висенте Эспинеля «Жизнь Маркоса де Обрегон» находим не только странную характеристику испанского кабальеро, но и рассуждения относительно принципов его воспитания: «Воспитание кабальеро должно быть похоже на воспитание соколов, ... они должны быть не взаперти, а на воле, на чистом воздухе и на высоком месте, чтобы видеть птиц, которых должны будут бить. Кабальеро уже по своему рождению должны быть господами и обладать соответствующими качествами: «подражать величию своих предков..., быть добродетельными и скромными, гордыми без тщеславия, вежливыми и осмотрительными». «Кабальеро есть совершенный герой или совершенный сеньор» [4, с. 301] – заключает автор. Мужество, отвага, воинское мастерство – неотъемлемые качества испанского дворянина.

Вместе с тем, отмеченное, скорее, идеал, к которому следует стремиться. Многие дворяне: как мелкие рыцари – идалго, так и крупные – гранды – герои романов первой половины XVII в., далеко не всегда соответствуют описанным идеалам. Так, Бальтасар Грасиан, критически относясь к современным правителям, подчеркивает: «ныне политики и военачальники обмельчали..., раньше короли сами сражались». «Героический правитель, – замечает далее автор, – должен находиться в гуще событий, лично участвовать в предприятиях, руководить армией, а не созерцать их со стороны» [1, с. 462 – 463]. Обращаясь к славному прошлому Испании, писатель прежде всего восхваляет ее военные достижения, а его герои – прежде всего блистательные воины: «Гонсало Фернандес, завоевавший неаполитанское королевство; герцог де Альба, покоривший Португалию, и Фернандо Кортеса – Индию (так Грасиан называет Америку – А. Б.); Карл VIII, захвативший Неаполь; католический король Фердинанд, взявший Гранаду, и его внук Карл V, – всю Германию» [1, с. 463].

В литературе XVII в. мы нередко находим образ бедного дворянина-идалго, которому, впрочем, присущи все свойственные этому сословию качества: честь, благородство, чувство собственного достоинства. Таков хрестоматийный образ Дон Кихота Сервантеса. Таким рисуется бедный дворянин, у которого служил герой романа «Жизнь Ласарильо с Термеса»:

«У этого дворянина, – пишет автор, – не было ничего, кроме чести и шпаги» [5, с. 68 – 69].

Особо важным и интересным в контексте поднятой темы является вопрос: какими, собственно, предстают перед нами в литературе рассматриваемой эпохи испанцы, какие черты и особенности характера и поведения присущи им и чем они отличаются от представителей других народов? Здесь попытаемся говорить о некоей обобщенной личности, а не о представителях отдельных сословий и социальных групп испанского общества. Обобщенный образ испанца в литературных памятниках эпохи весьма колоритен и разнообразен. Здесь читатель встречается как с явно идеализированными образами, так и с образами во многом несимпатичными, даже гротескными. Вместе с тем, как отмечает С. Пискунова, характеризуя особенности плутовского романа: «Герой романа, даже герой отрицательный, – это личность, индивидуальность, а персонажи большинства пикаресков – это антиличности или личности – фантомы, персонажи-оборотни, или просто своего рода «фигуры речи» [10, с. 8].

В целом испанцы – герои романов – находчивы, умны, деятельны, всегда находят выход из самого сложного положения. Маркос де Обрегон во время своих скитаний по разным странам всегда оказывался выше представителей местного населения, он редко давал возможность себя обмануть, всегда оказывался на высоте, благодаря своему уму и находчивости всегда находил выход из сложной ситуации. После того, как ему удалось разоблачить одного итальянского лже-прорицателя, тот заметил, что «испанцы недоверчивы и проникательны» [4, с. 520]. Герой романа уверен, что «испанцы могут научить учтивости все народы света» [4, с. 461]. Побывав во всех соседних странах, де Обрегон нашел, что там люди довольно скучны и менее общительны, нежели испанцы: «Никто так не умеет праздновать, как испанцы» [4, с. 478 – 479], – замечает он. Учитель танцев Альдемаро из одноименной пьесы Лопе де Вега считает испанцев утонченными и грациозными: «грация – любимый, лучший дар испанцев» [6, с. 229].

Наиболее пространные, точные, хотя порой и противоречивые, характеристики своим соотечественникам дает Бальтасар Грасиан. Особо часто он подчеркивает их воинственность. Касаясь испанской истории и историков и отмечая, что «испанскую нацию все прочие обзывают неполитичной, варварской и попрекают, что у нее не нашлось пера латинского, дабы достойно ее украсить», писатель вкладывает в уста одного из персонажей «Критикона» Нимфы следующее оправдание: «испанцам милее орудовать шпагой, нежели пером; совершать подвиги, нежели их восхвалять...». Приведем наиболее часто встречающиеся характеристики испанцев в «Критиконе»: они «чванливы», «горды, любят похваляться своими древними родами», «самолюбивы и с презрением относятся к другим», «желают всеми повелевать и никому не хотят служить», для них характерны «щегольство, самохвальство, пусторечие и важничанье». Также автор замечает, что «этими качествами владеют все и дворяне, и простолюдины». В то же время

довольно часто Грасиан наделяет испанцев качествами, соответствующими их великой стране. Показателен в этом отношении раздел «Завещание Мужества» главы VIII «Критикона». Здесь в притче рассказывается о том, как Мужество раздавало свою долю каждой нации. Испанцы пришли последними и им ничего не досталось. Тогда Мужество сказал: «поскольку вас беспокоят все прочие народы, обратитесь против них, повторите то, что прежде вас сделал Рим: ударьте на всех и с моего разрешения надерите всем вихры. Так испанцы и поступили, наловчившись так, что вряд ли в мире найдется народ, которому они не дали бы трепки; хватили у одного, хватили у другого – и вскоре все Мужество с головы до ног оказалось у испанцев».

В литературных памятниках эпохи испанцы довольно четко и безоговорочно противопоставляются другим народам, прежде всего соседям, которые чаще представлены в сочинениях как противники или даже враги. «Опасность грозит испанцам во всей Европе» [7, с. 114], – заявляет один из героев Лопе де Вега. Самыми непримиримыми врагами для испанцев остаются арабы, с которыми велась многовековая ожесточенная борьба в рамках Реконксты. Врагами арабы, или мавры, остались и в исторической памяти испанца XVII столетия. В драматической пьесе Педро Кальдерона «Стойкий принц» мавританский король и его окружение называются «варварами». В борьбе с ними (за Сеуту и Танжер) испанцы солидаризуются даже со своими противниками в колониальной политике – «гордыми» португальцами. Португальский принц Фернандо представлен в пьесе героем, который предпочел унижения в плену и смерть сдаче маврам Сеуты. Интересна мотивация походов испанцев и португальцев в Северную Африку. Во время одного из походов против Танжера его предводитель дон Фернандо видит его главную цель не столько в завоевании данной территории, сколько в распространении христианства:

Мы просвещенные, мы - христиане, идем
Не с тем, чтобы победой щегольнуть
И славой увенчать завоеванье,
Но для распространения веры в бога
Подставим мы ударам вражьи грудь [9, с. 67].

Врагами испанцев продолжают оставаться не только мавры, живущие в Северной Африке, но и мориски – арабы, принявшие христианство и оставшиеся по окончании Реконксты в Испании. Против морисков ополчилась прежде всего обосновавшаяся в Испании инквизиция, под давлением которой в 1609 году королем Филиппом III был принят указ об изгнании морисков из пределов страны с конфискацией имущества. Лживость ссылки на нелояльность морисков была очевидна всякому здравомыслящему человеку, тем более, что на их труде держалась экономика и торговля во всей Андалусии. Не случайно тема морисков находит отражение в сочинениях многих писателей XVII в. Причем чаще всего авторы относятся к ним с пониманием и сочувствием. Сервантес рассказал историю мавра Рикоте в 54 главе II тома «Дон-Кихота». Лопе де Вега рисует судьбу «мученика чести» – лояльнейшего из морисков Фели-

сардо – потомка благороднейшего рода Абенсерраджей, заставляя его бежать и погибнуть от руки турок. Повествуя о горькой судьбе своих родителей, вынужденных жить вдали от родины, и о причине своего отъезда из Испании, Фелисардо говорит: «здесь не может жить человек, которому ежечасно могут бросить в лицо оскорбление» [7, с. 121 – 123]. У того же Кальдерона в драматической пьесе «Любовь после смерти, или Осада Альпухарры» рисуется драматическое положение морисков, которые «живут сегодня в Гранаде как пленники в горьком горе», «оклеветанные, оболганные, с запретами на традиции и обряды» [9, с. 249]. Неравноправное, униженное положение морисков признают даже некоторые испанские дворяне. Например, один из героев пьесы Хуан Малек восклицает:

Сегодня мориски – лишь пепел
От прежнего гордого пламени [9, с. 252].

А другой – испанский военачальник при Доне Хуане Австрийском, возглавившем карательную экспедицию против восстания морисков в Альпухарре (1569 г.) – Дон Хуан де Мендоса даже пытается оправдать их борьбу:

А может статься, мориски,
Уже угнетенные прежде,
Отчаялись, с ужасом видя,
Что каждый день из Мадрида
Приходит указ за указом,
И множит обида обиду;
Но, как бы там ни было, вместе
Решили они взбунтоваться [9, с. 282].

Только у одного из писателей – иезуита Бальтасара Грасиана-мориски безоговорочно отнесены к врагам испанцев. Так, в «Критиконе» Грасиан хвалит короля Филиппа Счастливого за то, что тот «очистил Испанию от морисков» [1, с. 214].

Тема друзей и врагов, «своих» и «чужих» наиболее отчетливо, как мы видели, просматривается в сюжетах, касающихся религии. Во всех без исключения рассматриваемых литературных памятниках эпохи Испания считается оплотом католической веры, а испанцы – верными и последовательными католиками, борцами на истинную веру. Так, Моркос де Обрегон, герой Висенте Эспинеля, не только остается верен своей стране и католической вере, оказавшись в плену в Алжире, но ведет там, рискуя жизнью, миссионерскую деятельность. Под его влиянием даже у его хозяина испанца – ренегата, богатого пирата и купца, проснулась совесть, и он кается, что в свое время принял ислам, а его дети вообще решили вернуться на родину в Испанию и креститься [4, с. 488 – 490, 586 – 587]. Тот же мотив находим в драматическом сочинении Лопе де Вега «Гусман Смелый», где под влиянием героя даже еврейка Сусанна готова отказаться от своей религии: «Я в Испании поняла ложность нашей веры, наше заблуждение» [7, с. 254], – заявляет она.

Практически все авторы привлеченных для исследования сочинений через своих героев резко порицают Реформацию и язвительно отзываются о ее идеологах. В споре о чистоте религии в одном из трагитуров Турина Маркос де Обрегон язвительно заявляет: «Хороша, должно быть, религия, реформиро-

ванная двумя столь великими еретиками (Мартинотом Лютером и Хуаном Кальвином). Почему вы зовете святыми и реформаторами религии Иисуса Христа двух людей, которые всем и во всем, в жизни и нравах, были против учения Христа и его Евангелий, которые были людьми распущенными, порочными, бесстыдными, лживыми, обманщиками, возмутителями государств, врагами всеобщего спокойствия?» [4, с. 516]. Автор «Хромого Беса» предрекает «бесплатные билеты а ад» лютеранам, кальвинистам и протестантам [8, с. 695].

Еще более яростно отстаивая чистоту католической веры, противопоставляет испанцев «народам-отступникам» Бальтасар Грасиан. Испорченность нравов современного общества он во многом связывает с неуважением к религиозным традициям. Главным врагом в данном случае он считает протестантизм. Взгляды Грасиана-иезуита здесь вполне естественны в условиях продолжающейся в Европе католической реакции и заключаются в резком порицании «еретиков-реформаторов». Идея защиты католицизма и порицание сторонников реформированной церкви прослеживается практически во всех работах писателя. Например, в «Политике» он считает, что «более знаменитым Фердинанда сделало не столько установление своей монархии, сколько создание инквизиторского трибунала и то, что он выгнал из Испании евреев» [2, р. IV]. В «Критиконе», как уже было отмечено выше, Грасиан хвалит короля Филиппа Счастливого за то, что тот «очистил Испанию от морисков», замечая при этом: «будь такие короли в других странах, пришел бы конец безбожию и ересям, схизме и язычеству, садомии и другим мерзостям» [1, с. 214]. В противовес названным испанским королям-хранителям веры Грасиан с неприкрытой ненавистью и сарказмом пишет о так называемых «королях-отступниках» – англичанах Генрихе VIII и Карле Стюарте. Так, читаем в «Критиконе» о Генрихе VIII: «проплыв большой путь с попутным ветром хвалы и снискав славное прозвище Защитника веры Католической, он разбился о риф распутства и потонул в ереси вместе со всей злосчастной страной». «При Карле же, – продолжает автор, – ересь показала чудовищную свою слепоту и король погиб слепцом, и подданные обезглавили его, ослепленные; даже трудно решить, кто был более слеп – подданные ли, с беспримерной свирепостью казня своего короля, или он сам, не желая признать себя католиком. Возлюбив причинившую ему столько бед ересь, потерял он обе жизни, потерял оба венца – временный и вечный – и, хоть легко мог достичь бессмертия, объявив себя католиком, погиб в обоих смыслах: и еретики его казнили, и католики не похвалили» [1, с. 487].

В бытовых зарисовках испанских писателей иностранцы всегда выставлены в негативном и неприглядном свете. Например, в «Хромом Бесе» в кабаке подвыпившие француз, итальянец, англичанин и немец за то, что начали хулить испанского короля и испанцев, были наказаны самим Бесом, который «зашвырнул француза на крышу трактира, итальянца – в нужник, англичанина – головой в котел с кипятком, а немца забросил в Пуэрто-де-Санта-Мария...» [8,

с. 667]. В уста того же Беса, главного персонажа своего романа, Луис Велес де Гевара вложил следующие высказывания, касающиеся отдельных стран и народов: «турецкое платье поганит одежды всех народов», «в Вальтелине (долина на севере Ломбардии, на границе со Швейцарией – А. Б.) и в Женеве делать нечего, тамошние жители – сущие дьяволы, и недаром их земля считается у нас в аду надежнейшей нашей вотчиной, разумеется, после обеих Индий» [8, с. 663]. Маркос де Обрегон называет жителей Алжира «варварским народом, который говорит, что держать слово пристало лишь купцам, а не рыцарям» [4, с. 488]. «Турки – дикие варвары» в новелле Лопе де Вега «Мученик чести» [7, с. 130].

Более частые и пространные характеристики различным странам и народам Европы мы находим в сочинениях Бальтасара Грасиана. При этом сама критическая направленность сочинений писателя-моралиста предопределила форму и содержание характеристик и оценок. Во-первых, пороки людских и культуры в целом у него национально локализованы и часто персонифицированы, во-вторых, Грасиан акцентирует в национальном характере его отличительные недостатки или пороки чаще, чем достоинства. Эту особенность сочинений писателя можно объяснить самой политической обстановкой в Испании и Европе в целом. Грасиан писал в годы Английской революции, которую порицал, как и ее деятелей в лице Кромвеля («сын пивовара..., недостойный, случайный человек у власти»), писал, находясь под впечатлением беспрецедентной для европейцев казни короля Карла I; в разгар пуританского религиозного и социального экстремизма. Не могла не оказать влияния на писателя-гуманиста и сама эпоха господства меркантилизма в экономической политике, стремление к обогащению, охватившее европейские страны, и, наконец, современная Грасиану политическая нестабильность, вражда с Францией и другими странами в рамках 30-летней войны и т. д. В силу отмеченного Грасиан в характеристике испанцев и окружающих Испанию народов часто оказывался в плену некритически усвоенных стереотипов. Отметим еще то, что автор даваемых характеристик нигде не стремится их развернуть и обосновать. Они представлены как штамп или ярлык. Больше других от язвительного писателя достается англичанам и французам – извечным противникам Испании. Свою нелюбовь к Франции и французам Грасиан объясняет ее агрессивностью по отношению к своей родине. «Францию можно было бы почитать за великую страну, если бы она довольствовалась собой и не зарилась на чужое», – замечает писатель. Его конкретное отношение к французам отражает диалог двух героев «Критикона» – Стосердечного и Критило, где первый называет положительные стороны Франции и французов, а второй их оспаривает. Обратимся к некоторым из характеристик:

Как просторны и приятны равнины!

Но по ним гуляют ветры, отсюда и ветреность обитателей

Сколько изобретательности!

Но лишь в ремеслах.

Сколько трудолюбия!

Но только в делах пошлых, это самый вульгарный народ на свете.

Как воинственны и храбры ее жители!

Но суетливы: это домовые Европы, пакостят на море и на суше.

Весьма бойки.

Но нестойки.

Старательны.

Но ничтожны, они – рабы других народов.

Многое замышляют.

Но мало свершают и ничего не сохраняют; на все зарятся и все теряют.

Как остроумны, быстры, поворотливы!

Но поверхностны.

Глупых среди них не встретишь.

И умных также, их удел – посредственность.

Любят труд.

Это так, но заодно и деньги.

Вы не отрицаете, что у них были великие короли.

Но от этих великих толку было очень мало.

Бережливы.

Еще как! Унция серебра им дороже кинтала чести. В первый день они – рабы, на второй – хозяйева, а на третий – тираны несносные. Середины не знают, только крайности, то человечны, то бессердечны.

У них великие достоинства.

И столько великих пороков, что нелегко указать главный. Короче, они – антиподы испанцев [1, с. 276 – 277].

Поскольку Критило является главным героем Грасиана, в уста которого автор чаще всего вкладывает свои собственные взгляды и оценки, его отношение к Франции очевидно. В главе XIII «Критикона», где автор дает краткие характеристики ряду европейских стран, он еще более резко и категорично высказывается о французах: «Алчность поселилась на всей ее территории, от Гаскони до Пикардии и повсюду расадила своих бедных родственников: Скупость, Малодушие, Трусость, Рабскую приниженность перед другими народами и готовность исполнять за гроши самую черную работу, оборотистое Торгашество, Привычку ходить голыми и босыми, держа башмаки под мышкой..., французы – это две крайности, без середины» [1, с. 181 – 182]. Непримиримый Грасиан считает, что сама «прозорливая Природа навсегда разделила Пиренеями Испанию и Францию – два главных государства Европы, укрепив первую против второй стеною суровости и сделав их столь же далекими в политике, сколь близкими в пространстве» [1, с. 222 – 223].

Рассуждения об Англии и англичанах менее страннны, хотя столь же резки, как и относительно Франции и французов. В этой стране, как считает писатель, «обосновалось Непостоянство», англичане «суетливы», они «столь же уродливы душой, сколь красивы телом». Въезжающий в эту страну должен опасаться вероломства и обмана. Черными страницами в истории этой страны Грасиан считает Реформацию, в самых резких выражениях порицая «безбожника» Генриха VIII и буржуазную революцию, осуждая террор Оливера Кромвеля и казнь короля Карла I [1, с. 455].

Германия и немцы также не входят в круг друзей Испании. Эту страну писатель считает богатой и сытной, а главной ее проблемой называет раздробленность. «Простору много, но толку мало, взяла количеством, не качеством», – замечает один из героев «Критикона». «Там не одно государство, – продолжает другой, – а много, составляющих одно; коль приглядеться, каждый князь – почти король; каждый город – столица; каждый дом – дворец; каждый замок – цитадель; и вся она – собрание многолюдных городов, блестящих столиц, пышных храмов, прекрасных зданий и неприступных крепостей» [1, с. 364]. Автор считает, что раздробленность Германии причиняет ей наибольший вред и приведет к гибели: «больше княжеств, больше голов; больше голов, больше причуд; больше причуд, больше раздоров». Далее, опять же на примере диалога двух героев «Критикона» «Удачника» – почитателя Германии – и «Критило» – ее критика, посмотрим, какими характеристиками награждает Грасиан немцев:

Прочие нации ошибаются, называя немцев скотами.

Смею утверждать, что немцы – самые большие люди в Европе.

О да, но не самые великие.

В теле каждого немца уместятся два испанца.

Да, но только половина испанского сердца.

Какие хладнокровные!

И холодные.

Какие храбрые!

Даже жестокие.

Какие красивые!

Но отнюдь не изящные.

Какие высокие!

Но ничуть не возвышенные.

Какие сильные!

Но не мужественные. Телом гиганты, духом карлики.

Скромны в одежде.

Но не в еде.

Умеренны в расходах на домашнее убранство и утварь.

Но не умеренны в питье.

Они говорят на самом древнем языке.

И на самом варварском.

У них великие мастера ремесла.

Но нет великих ученых.

Даже пальцы у них поразительно искусны.

Лучше бы мозги.

Ни одно войско без них не обходится.

Как тело без желудка.

Их знать славится древностью.

Добро бы благочестием! Но беда Германии в том, что, в отличие от прочих стран Европы, ставших славными матерями знаменитых патриархов, учредителями Священных орденов, Германия, напротив...» [1, с. 365].

С большим почтением Грасиан отзывается об Италии, называя ее «культурной, нарядной, учтивой, политической, разумной». Здесь писатель сравнивает Италию со своей родиной Испанией, отмечая при этом, что Италия более подвержена изменениям: «Ис-

пания донны пребывает все в том же виде, какую бог ее сотворил, и тамошние обитатели ни в чем ее не улучшили... Италия, напротив, настолько изменилась и улучшилась, что первые ее обитатели, кабы пришли теперь, ее бы не узнали: горы выровнены и превращены в сады, реки судоходны, на морских побережьях выросли дивные города с молами и гаванями; все города, как на подбор, славятся нарядными зданиями, храмами, дворцами и замками, площади украшены фонтанами и бассейнами; деревни – сады Элизиума; словом, в одном итальянском городе больше есть чем полюбоваться и насладиться, нежели в целой области другой страны» [1, с. 450]. В большей степени Грасиан-гуманист превозносит Италию как центр науки и культуры, называя ее «разумной матерью наук и искусств», где «процветает изящная словесность, которой в помощь самый нежный, богатый и выразительный язык». «Здесь все достигло зрелости и почета: политика, поэзия, история, философия, риторика, ученость, музыка, живопись, зодчество, ваяние». Особый восторг у Грасиана вызывает Рим – «воплощение всего лучшего, что есть во всех столицах мира». Рим – это «вершина знания и благочестивый вход на небо...; мастерская великих людей, здесь куются умы, оттачиваются таланты, здесь люди становятся личностями» [1, с. 443]. Отмеченные дифирамбы в адрес Италии – очевидная натяжка со стороны Грасиана. Писатель-гуманист явно находился в плену устаревших представлений об этой стране как о родине гуманизма и культуры Возрождения, не замечая или не желая замечать ее довольно плачевного экономического и политического состояния в тот период, когда он жил и писал.

Литература

1. Бальтасар, Г. Карманный оракул. Критикон / Г. Бальтасар. – М.: Наука, 1984. – 632 с.
2. Baltasar, G. El. Politico / G. El. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Servantes. – Режим доступа: <http://bib.cervantesvirtual.com> (дата обращения: 26.07.2011).
3. Baltasar, G. El. Heroe / G. El. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Servantes. – Режим доступа: <http://bib.cervantesvirtual.com> (дата обращения: 26.07.2011).
4. Винсенте, Эспинель. Жизнь Маркоса де Обрегон / Э. Винсенте // Испанский плутовской роман. – М.: Эксмо, 2008.
5. Жизнь Ласарильо с Термеса, его невзгоды и злоключения // Испанский плутовской роман. – М.: Эксмо, 2008.
6. Лопе де Вега. Звезда Севильи. Учитель танцев / Лопе де Вега // Лопе де Вега. Драмы и комедии. – М.: Правда, 1991.
7. Лопе де Вега. Мученик чести. Гусман Смелый / Лопе де Вега. // Лопе де Вега. Новеллы. – М.; Л.: Издательство художественной литературы, 1960.
8. Луис Велес де Гевара. Хромой Бес / Луис де Гевара // Испанский плутовской роман. – М.: Эксмо, 2008.
9. Кальдерон, П. Саламейский алькальд. Стойкий принц. Любовь после смерти, или Осада Альпухарры / П. Кальдерон // Пьесы: [пер. с исп.]. – М.: Искусство, 1961. – Т. 1.
10. Пискунова, С. Исповеди и проповеди испанских плутов / С. Пискунова // Испанский плутовской роман. – М.: Эксмо, 2008.

Информация об авторе:

Батури́н Алексе́й Петро́вич – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории средних веков исторического факультета КемГУ, 8 908 945 77 99, rinutab@mail.ru.
Alexey P. Baturin – Candidate of History, Professor at the Department of Medieval History, Kemerovo State University.

Относительно других стран и народов мы находим у Грасиана лишь отдельные реплики и эпитеты. Называя саму Европу «прекрасным лицом мира», лица разных стран Европы писатель определяет следующим образом: «в Испании – важное; в Англии – смазливое; во Франции – игривое; в Италии – рассудительное; в Германии – румяное; в Швеции – дерзкое; в Польше – добродушное; в Греции – изнеженное; в Московии – хмурое» [1, с. 374]. Далее он рассуждает о том, чего должен опасаться приезжающий в ту или иную страну: «в Испанию – злобы; во Францию – подлости; в Англию – вероломства; в Германию – грубости; в Италию – мошенничества» [1, с. 400].

В заключении разговора об отражении испанского национального самосознания в литературе так называемого «золотого века», следует подчеркнуть, что в Испании в силу отмеченных особенностей ее исторического развития глубоко внедрились в народное сознание принципы католицизма и монархизма, осмыслявшиеся как символы национального и политического единства страны. Отсюда – известного рода догматизм и морализм испанского национального мышления, породившие очевидные националистические тенденции как в оценке самих себя, так и в оценке соседних народов (что, впрочем, во многом приложимо к формированию национальной идентичности у народов других европейских стран в рассматриваемый период времени). К середине XVII столетия, особенно после Вестфальского мира 1648 года, «своими» и друзьями в Испании останутся собственно только сами испанцы. Все остальные представители окружающих Испанию стран будут восприниматься либо как «чужие», либо чаще как враги.